

Филологиялық ғылымдар

Филологические науки

Philological sciences

MPHTI 17.83.32

Ж.Б. Ибраева¹ (orcid - 0000-0003-1487-5513) – *основной автор*,
Ф.М. Ержанова² (orcid - 0000-0001-5067-0887)

¹ Канд. филол. наук, и.о. профессора, ² PhD, и.о. ассоциированного профессора,
^{1,2} Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
г. Алматы, Казахстан

ПРИРОДА КОНФЛИКТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.П. ЩЕГОЛИХИНА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы теории конфликта, представлен широкий перечень трудов ведущих литературоведов, которые отмечают, что и сюжет, и диалектика построения художественного произведения раскрывают особенности конфликта, указывая на противоречие между его формой и содержанием, композицией и темой. Цель работы - раскрыть природу конфликта в указанных произведениях казахстанского автора И.П. Щеголихина. Впервые для публикации представлен анализ материала ряда произведений И.П. Щеголихина в разрезе поднятой литературоведческой проблемы - определение природы конфликта, что указывает на новизну проведенного исследования.

Ключевые слова: коллизия, теория конфликта, роман, повесть, нравственные проблемы.

Введение. В связи с кардинальными изменениями в науке всего постсоветского пространства перед нами встает масштабная задача пересмотра философской основы сравнительного метода в литературоведении, используемого для анализа произведений. Несмотря на немалое количество работ по сравнительному литературоведению, наша тема относится к числу *малоработанных*, т.к. литература советского периода в контексте заданной темы не рассматривалась. Говоря об отечественном литературоведении, надо иметь в виду, что только к концу 90-х годов стали появляться работы, соответствующие исторической правде, поэтому огромные пласты литературы Казахстана еще только предстоит изучить, беря во внимание «авторское видение», духовную свободу творчества.

При исследовании вопроса о «казахстанской прозе», к которому мы обращаемся, следует выделить работы, раскрывающие основные тенденции в современном литературоведении Казахстана, авторами которых являются М.Х.Хамзин, З.Т.Жумагали, А.С.Исмакова, С.Ш.Тахан и др.

Цель работы - раскрыть природу конфликта в указанных произведениях казахстанского автора И.П. Щеголихина.

Предмет исследования - природа конфликта в художественном тексте.

Объектом исследования стали произведения И.П. Щеголихина.

Методы исследования: научной абстракции, метод логического и исторического анализа, социально-исторический метод, метод сравнительного анализа, сравнительно – сопоставительный метод, индукции и дедукции, диалектический, логический с учетом системного и ценностного подходов.

Научная новизна обоснована тем, что впервые предпринята попытка определения природы конфликта в русской отечественной прозе И. Щеголихина. *Принципиально новым* в исследовании является определение

природы конфликта на основе сравнительно-сопоставительного анализа художественных произведений писателя в контексте общественных ценностей.

Теоретическая значимость исследования связана с тем, что оно вносит вклад в решение актуальной проблемы сравнительного литературоведения, проблемы сопоставительного анализа художественных текстов в разрезе поднятой литературоведческой проблемы. Полученные данные могут быть использованы для дальнейшего углубленного рассмотрения и изучения.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования данных исследования в практике преподавания курсов по изучению литературы Казахстана XX века, по изучению литературного краеведения, на спецсеминарах и спецкурсах по истории русской литературы Казахстана.

Условия и методы исследований. Материалом исследования стали произведения отечественной прозы, в частности, творчество русского писателя второй половины XX века И.П. Щеголихина. Следующие произведения казахстанского писателя легли в основу данного исследования: романы «Старая проза» (1963), «Другие зори» (1970), повести «Пятый угол» (1972), «Трое в машине» (1971), «Храни огонь» и др.

Важную роль в отборе художественного материала сыграла актуальная идея евразийства и определение важной роли национальных литератур в многоэтническом обществе. Ориентация на материал русской литературы, и, соответственно, русской культуры в лице русского писателя – И.П. Щеголихина определяется востребованностью для современной общественно-политической ситуации, для которой характерно сохранение поликультурного пространства. Творчество И.П. Щеголихина является широко известным не только в Казахстане, но и далеко за его пределами, несмотря на это его можно назвать слабым звеном с точки зрения изученности. Этим подтверждается несомненная *актуальность* работы. *Впервые* для публикации представлен анализ материала ряда произведений И.П. Щеголихина в разрезе поднятой литературоведческой проблемы - определение природы конфликта, что указывает на *новизну* проведенного исследования

Результаты исследований. Известно, что впервые теория конфликта или «коллизии» была систематически разработана Гегелем как «противоположность, содержащаяся в ситуации» [1, с.165], которая образует возможность и необходимость действия, состоящего в противоборстве, «акциях и реакциях» «субстанциональных» действующих сил; исчерпав взаимные требования, противоположности сливаются в гармоническом идеале. Дальнейшее развитие драмы и прозы [1, с.165] (Г.Ибсен, А.П.Чехов, Б.Шоу) ослабило внешние событийные формы воплощения конфликта, основанного уже не только на прямом столкновении, сколько, напротив, на расхождении и непересечении, «некоммуникабельности» действующих лиц, замкнутых в своём внутреннем мире; теоретически это осмыслил Б.Шоу в своём трактате «Квинтэссенция ибсенизма», где гегелевская идея конфликта как «противоборства» вытесняется пониманием конфликта как «дискуссии» или «проблемы».

В эстетике XX в. теория конфликта ещё более усложняется, ориентируясь зачастую не на жизненные противоречия, отраженные в сюжете, а на диалектику построения самого художественного произведения, на противоречие между его формой и содержанием, композицией и темой

(Л.С. Выготский), между «текстурой» и «структурой», предметом и смыслом художественного высказывания («новая критика»).

Новые грани конфликта выявлены М.М. Бахтиным в теории «амбивалентного», «карнавального» образа, внутри которого противоположные смыслы (утверждение и отрицание, рождение и смерть, хвала и брань) не сливаются (как у Гегеля) и не безысходно противостоят друг другу (как у Т.Адорно), а взаимооборачиваются в стихийной диалектике народного мирозерцания. Наиболее глобально трактуется роль конфликта в структурных теориях, раскрывающих двоичность (бинарность) на всех уровнях произведения как источник его смысла; при этом конфликт рассматривается как оппозиция, т.е. значимое противопоставление двух любых элементов художественного текста, частным случаем которой является сюжетное противоборство, коллизия.

Так, в большом энциклопедическом словаре конфликт художественный (коллизия художественная) определяется как «противоборство, противоречие между изображенными в произведении действующими силами: характерами, характером и обстоятельствами, различными сторонами характера. Непосредственно раскрывается в сюжете, а также в композиции. Обычно составляет ядро темы и проблематики, а характер его разрешения - один из определяющих факторов художественной идеи. Будучи основой (и "энергией") развивающегося действия, конфликт художественный по его ходу трансформируется в направлении кульминации и развязки и, как правило, находит в них свое сюжетное разрешение» [2].

Определение, данное в литературном энциклопедическом словаре, таково: «художественный конфликт (от лат. *conflictus* – столкновение) художественный, противоположность, противоречие как принцип взаимоотношения между образами художественного произведения. Термин традиционно применяется к драматическим и эпическим родам литературы, к театру и кино, т.е. к изобразительно-динамичным видам искусства» [1].

Далее из статьи дается пояснение того, что иногда синонимом конфликта служит коллизия как прямое столкновение и противоборство между изображенными в произведении действующими силами – характерами и обстоятельствами, несколькими характерами и разными сторонами одного характера.

Говоря об эстетической специфике конфликта, его пафосе, мы должны понимать, что они зависят от характера взаимодействующих сил, если сталкиваются высокое и высокое, не зависимо от того, силы это или страсти, характеры или идеи, то этот конфликт порождает трагический пафос. Конфликт низкого и низкого говорит о комическом пафосе. Если речь идет о столкновении высокого и низкого, то следует говорить о героическом пафосе, и, наоборот, низкого и высокого – сатирический. Отсутствие конфликта, которое привносит эстетическое значение, идиллический пафос.

Различны пути разрешения конфликта и соответствующие типы читательской (зрительской) реакции на конфликт: примирение или обоюдное крушение противоборствующих сил, заставляющее писателя возвыситься над их односторонностью (катартическая развязка); победа одной из сил, заставляющая уверовать в её правоту и жизнеспособность («тенденциозная» или «ангажирующая» развязка); невозможность примирения или победы, оставляющая силы во взаимном обособлении и выносящая конфликт за пределы произведения – в жизнь, ставящая вопрос о возможном исходе конфликта перед самим читателем (проблемная развязка).

Говоря об эстетическом значении конфликта, то есть о конфликте как о самостоятельной эстетической категории, И.А. Масеев в работе «Сущность и роль конфликта в искусстве» [3, с.152] предлагает разграничение жизненного конфликта и художественного конфликта.

Академик М.Б. Храпченко указывал на то, что «структурную основу произведений составляет конфликт в его определенном художественном выражении» [4, с.21]. По мнению академика, противоречие, конфликт могут выражаться в действии, в поведении человека, в его поступках, в событиях, которые с ним происходят, но во многих случаях отражение конфликта не требует обращения к системе событий, духовный мир человека может быть и противоречивым и сложным, но не обнаруживаться в той или иной событийной форме.

Рымгали Нургали в работе «Эпическая драматургия» глубоко исследовал теоретические проблемы конфликта, а также современные тенденции развития жанров драматургии [5].

Важным, на наш взгляд является определение, использованное Р. Нургали, – «эпическая драматургия» (мы не обращаемся к жанру драмы, а исследуем эпические произведения, в которых также имеет место конфликт как основная движущая сила действия), дающее нам право оперирования некоторыми положениями представленной классификации.

При освещении данного вопроса о конфликте используем также исследование Т. Есембекова «Художественно - эстетическое значение драматизма в казахской прозе» [6]. Среди основных литературоведческих категорий, которые имеют непосредственное отношение к драматизму в прозе, ученый особенно выделяет роль конфликта и находит, что по своей природе конфликт и драматическое многократно пересекаются. Но по содержанию драматизм шире, объемнее и более связан с характерами и действиями в произведении.

Зная, что для драматического произведения важно, прежде всего, действие, ведь драма изображает жизнь в движении, отметим, насколько действие в драме отлично от действия в эпосе. Обратившись к труду В. Холодова, процитируем: «во-первых, эпос не столько воспроизводит, сколько описывает его; во-вторых, в эпическом произведении описание действия является лишь одним из слагаемых общей картины; в-третьих, и это самое важное, в эпосе действие героя интересует автора прежде всего как участие в событии, а не как обнаружение характера» [7, с.29-30].

Можно обозначить противоречия следующим образом: личность и общество, творец – искусство, человек – история, человек – человек, из которых, соответственно, вытекают следующие проблемы: философская, социально-политическая, национально-историческая, нравственно-этическая, культурно-бытовая.

Для перечисленных произведений характерны острые драматические ситуации, столкновения лиц, стоящих на противоположных общественных или нравственных позициях. Так, в произведениях Щеголихина наблюдается тяготение к решению общественно-социальных конфликтов, для которых характерны ситуации и противоречия, не разрешимые в данный период времени, в данных условиях, это субстанциальные конфликты.

Следует отметить развитие конфликта «человек и время», «человек – история».

В прозе И. Щеголихина нас охватывает тягостное состояние – чувство грусти и печали от того, как трагически складываются судьбы обрисованной

в прозе интеллигенции. Сюда, без сомнения, можно отнести все произведения писателя – и «Старая проза», и «Другие зори», и «Пятый угол», и «Храни огонь», рассмотренные нами.

Реализм, приблизив конфликт к его социально-исторической основе – противоречием между сущностью, возможностями человека и его конкретно-общественным бытием, – развил небывалое многообразие конфликта; подчеркнув обусловленность характера внешней средой, раскрыл его внутреннюю конфликтность и вытекающую отсюда динамику саморазвития.

Путь героев, изображенных Щеголихиным в романе «Старая проза» далеко не оптимистичен: уход в комические дали, оторванность от реальной жизни, пьянство как выход – у Шнура; озлобление, бичевание всех подряд под маской «народной правды», опять же – алкоголизм и, в конечном счете, самоубийство Алеши Беркута, который в предсмертной записке пишет: «Лес рубят – щепки летят. Одна щепка – не дерево. Одно дерево не лес. Один человек – не человечество. Надо за отдельными деревьями видеть лес... Мелеют реки, дохнет рыба, разрушается государство» [8, с.189]; другой герой – «преподаватель основ марксизма, доцент Григорий Константинович. Кроме запойной горячки у него была еще мания преследования, одно с другим связано» [8, с.181]; ничем не отличается и путь Павла Хомутова – та же невостребованность обществом, та же пьянство, та же психбольница.

Специфика художественного преломления жизненных проблем особенно усилена, читая произведения Щеголихина, мы постоянно пытались уловить сложные, опосредованные связи с жизнью, ведь не случайно отмечено, что у Щеголихина «глаз на ржавчину».

Более обостренно, трагично разворачиваются события в романе Щеголихина «Другие зори». Перед нами герой, ушедший из жизни, не сумевший противостоять действительности, умирающий не по своей воле, а из-за жестоких и злых законов жизни. Данная ситуация происходит вследствие столкновения объективных трагических обстоятельств и личности, желания и поступки которой противоречат существующим объективно-реальным условиям жизни.

Для определения данного типа конфликта используем определение Р. Нургали: «...трагический конфликт и трагическая ошибка, раскрывающие трагическое взаимодействие (столкновение) исторически объективных законов реальной жизни и противоречащих им желаний и поступков личности, который приводят героя к гибели или мучительным потрясениям, вызывающим у зрителей или читателей глубокие раздумья, помогающие им понять смысл жизни, ее многообразие и неизбежный конец» [5, с.18].

«Кризисное состояние» Шеремета («Другие зори»), порожденное нарушением нравственных норм и обычаев, установленных обществом данного периода (исторически конкретный период времени) объясняется тем, что герой отстаивает свое право на индивидуальность, особенность, непохожесть. Он, как художник слова, поэт, вдобавок еще и преподаватель вуза, видит несовершенство этого мира, противоречия реальной социальной жизни, воспринимая их глубоко и болезненно.

При обращении к статье А.А. Блока «Народ и интеллигенция» [9] интересна следующая мысль, раскрывающая новое понимание интеллигенции и, в частности, понимания главного героя Щеголихина – Шеремета: «Интеллигентных людей, спасающихся положительными началами науки, общественной деятельности, искусства, – все меньше; мы видим это и слышим об этом каждый день. Это естественно, с этим ничего не

поделаешь. Требуется какое-то иное, высшее начало. Раз его нет, оно заменяется всяческим бунтом и буйством, начиная от вульгарного «богоборчества» декадентов и кончая неприметным и откровенным самоуничтожением – развратом, пьянством, самоубийством всех видов» [9, с.113]. Удивительно то, с какой точностью дается ответ на волнующий нас вопрос о разврате, пьянстве и, в конечном счете, самоубийстве Шеремета.

На наш взгляд, слишком упрощенную оценку дали герою как «человеку распутному и сильно пьющему» в книге «Творчество русских писателей Казахстана» [10, с.244], без учета социальных и психологических условий, а главное, не беря во внимание сам текст: «Я считаю алкоголизм следствием. Многие болезни, а эта особенно, - от социальных причин. А он как раз очень остро реагировал на факты и события именно социальные...» [8, с.300] «Гневается он не от вина, а от горечи мира, от глупости, несправедливости» [8, с.277].

Отвергая принципы «нормальной» жизни, он пытается найти выход из того положения вещей, которое не воспринимается им как «нормальное». Пытаясь найти успокоение, он находит его в вине, как и многие другие герои Щеголихина, и в любви, но не глубокой, очищающей, нравственной, а легкой, пустой и беззаботной. Разуверившийся в жизни герой не способен на настоящее возвышенное чувство, сама возможность такого истинного проявления любви кажется ему маловероятной. Так, его герой вступает в острый конфликт с окружающим миром, который в том или ином отношении неизменно противостоит ему, но, как ни печально, его интеллигентская сущность, пропитанная «волею к смерти», не может проявить себя иначе, как уход из жизни

Отобразив жизненные явления, события, ситуации в их моральном значении, ставя в основу *конфликта* большинства своих произведений нравственные отношения, столкновение добра и зла, чести и бесчестия, благородства и низости, гуманности и жестокости, И.П.Щеголихин стремится выявить лучшее в каждом из людей, найти и показать человеческое в человеке и в то же время осудить, развенчать то, что мешает людям нормально жить, превращая их в обывателей, мещан, алчных стяжателей. Человек, бездумно и пассивно принимающий этот мир таким, каков он есть, со всей его несправедливостью, подлостью, безобразием, внутренне согласившийся с ним.

В основу *конфликта* произведения Щеголихина - «Храни огонь» - положены нравственные отношения, что в большей мере свойственно мировидению, мироощущению казахских писателей.

Возникший *конфликт* между главным героем и Есетовой, ставшей виновницей гибели человека во время операции, показывает, насколько ухищренно можно прятаться под «маской интеллигенции», как низко и подло поступать, не гнушаясь ничем. Непростая ситуация, когда нет врага, когда надо противостоять доносам и анонимкам, удручающе действует на главного героя, он, зная, что такое настоящая война, говорит, что мужество на войне необходимо, понятно, но если перед тобой «твой соратник, вы вместе с ним строите будущее» [11, с.74]?

Айдар Назаров, «храня огонь» истины, справедливости, решается вопреки всем анонимкам, клеветам, интригам, решительно бороться с «раком души человеческой». Эти непростые жизненные ситуации также полны печальных размышлений, удушающей тоски от неизбежной необходимости бороться с подобными людьми.

Чтобы точнее дать определение людям, подобным Есетовой, обратимся к тексту: «Ввяжешься – начнутся жалобы, склока, комиссии, анонимки, все это вышибет тебя из колеи. Ввяжешься - начнется цепная реакция, закружит тебя центробежная сила, и уж если вылетишь, то далеко от места, где хотелось бы приземлиться» [11, с.62].

Такой совет дает Назарову еще один положительный герой повести – Сергей Сергеевич Замятин, заранее уверенный в действиях Есетовой. Но Айдар Назаров, «храня огонь» истины, справедливости, решается, вопреки всем анонимкам, кляузам, интригам, решительно бороться с «раком души человеческой». Как доктор-онколог, он использует это меткое выражение, утверждая, что самым верным в медицине при лечении рака – удаление опухоли, поэтому и в этой ситуации надо действовать решительно и бесповоротно, чтобы «рак не пустил метастазы».

«Получил распространение *конфликт*, связанный с явлениями приспособленчества: человек подлаживается к благоприятным нормам нашей жизни, нормам времени, ибо, осознавая правоту и силу этих норм, он хочет жить в обход их - своего рода человек подпольный, двоедушный» [12, с.180], пишет в статье А.С. Муханов, рассматривая нравственно-психологические проблемы современных прозаиков.

Устрашающим является тот факт, который раскрывается перед читателями: роль вершителей судеб, которую выполняют эти приспособленцы, настолько велика, что честному человеку приходится очень нелегко.

Не менее важная проблема - *проблема науки*, диктующей свои правила, теоретически объясняющей все происходящее в природе, и от того, насколько научные изыскания соответствуют действительному состоянию природы, зависит ее судьба. Науку делают люди, и не каждый из них руководствуется объективными причинами, не каждый искренен в желании сохранить природу, создать условия для нормального существования людей, попавших во власть природных катаклизмов.

Проблема взаимоотношений личности и общества, проблема творческой личности, проблема отчуждения – так можно обозначить трагедийность судеб героев.

Попытка понять, что предопределено в психологии человека его органикой, проникла в творчество И.П. Щеголихина, изначально далекого от «философизации», писателя с открытой социально-публицистической направленностью.

Таковыми мыслями, онтологического звучания, терзается Павел Хомутов, но ему недостает смелости и твердости высказать свое мнение. Да и возможно ли это в годы культа, когда любой донос – и человек в обвинен и посажен в тюрьму, расстрелян? Но ведь «человек создан для подвига, а искусство, чтобы ему об этом напоминать» [8, с.92], неоднократно в разных интерпретациях герой высказывает эту мысль в романе.

И здесь возникает *главное противоречие*: «творец – искусство», которое тесно переплетено с другим противоречием – «личность-общество».

Несмотря на все сомнения, герой пишет картину «Государственный заем»: «На холсте была комната в избе Семиколеновых. Голый стол, скамья, брюхастая печь. Похожий на ваньку-встаньку человек в плаще с рукавами-сардельками бил кулаком по столу. Это был сильный, твердо стоящий на земле начальник с командирской сумкой на животе, в кирзовых мощных сапогах, а у его ноги плакал рахитик мальчонка, с голым животом и иззелена

худым лицом. На скамье понуро сидел мужчина, тощие лопатки его подпирали затылок. За ним стояла худая женщина с большими глазами обреченного, покорного существа...А в углу, вместо иконы, «Заря коммунизма» [8, с.95].

Картину молодого художника восприняли как «грубость, как хамский выпад, как антисоветчину» [8, с.98], хотя Павел Хомутов пытался объяснить, что образом вождя он хочет «критиковать недостатки нашей действительности, чтобы бюрократы и чиновники помнили о нем повсюду» [8, с.95]. Не понимая, что этим своим поступком он навлекает тень на самого же Сталина, герой Щеголихина вопрошает: «Но как жить дальше, сколько можно дрожать? Кто будет вторгаться в жизнь, отражать ее нужды, проводить волю партии и народа?» В герое теплится надежда, что партия и Сталин не подозревают о том, какой голод и нищета царят в деревне.

Специфическая структура отношений в треугольнике – «народ», «власть» и внешняя по отношению к ним, привносимая извне «культура». При этом каждая из этих вершин треугольника предстает в обобщенном и абстрагированном виде. Народ – «косная масса, предмет служения, любви и страха»; власть – «жестокая и консервативная сила, использующая отсталость массы против прогресса и интеллигенции, а достижения прогресса (модернизации) - против массы». Третьей вершиной треугольника и является *интеллигенция*, находящаяся всегда в оппозиции по отношению к власти, несущая культуру и просвещение в народ.

Поэтому обращение к общественно-политической *проблеме* становится для писателя закономерным. Его интересуют вопросы: как политический строй влияет на судьбы людей, как меняется их сознание, как притупляется чувство справедливости, как лучшие становятся изгоями.

Нужно сказать, что Щеголихину не свойственно показывать *конфликты*, носящие сугубо нравственное начало, например, отцов и детей, мужчины и женщины, семейные конфликты, он более склонен обращаться к общественным, социальным, политическим противоречиям. Поэтому, не случайным является для главного героя мирное семейное счастье с Асией, которая являет собой пример любящей, понимающей, жертвующей всем ради спокойствия мужа жены.

Подтверждением этого могут служить слова Щеголихина о женщине, сказанные уже в наши годы, десятилетия спустя, о том, что он ставит женщину выше мужчины. Именно женщина, по мнению писателя, в тяжелые годы лишений и в годы перестройки спасала семью и саму жизнь.

Но вскоре важное политическое событие – XIX съезд партии, и вновь слышится авторская ирония относительно подобных мероприятий, он, показывая их нелицеприятные стороны, как бы невзначай замечает, что «все учреждения срочно начинают очищать свои столы, отвечать на жалобы, письма, ходатайства. Если бы съезд был каждый месяц, толку было бы гораздо больше» [8, с.116].

Само собой, что все средства массовой информации изобилуют материалами по съезду, и Хомутов, дабы желая разобраться прежде всего в самом себе, в своей раздвоенности, внимательно читает доклад Маленкова, он удивлен тому, «почему другим все понятно, почему ему одному непонятно? Почему он читает и каждой строчке не верит?»

Герой романа недоумевает по данному поводу, спрашивая самого себя: «Но что значит, решена зерновая проблема? ...Почему в колхозе голодные? ...Люди пухнут от голода, а зерновая проблема решена. И

делегаты съезда бурно аплодируют. А ведь не с луны свалились в зал заседаний» [8, с.117]. Павел Хомутов готов со всей ответственностью заявить о том, что в колхозе «Светлый путь» нет ничего из того, что он узнает из доклада Малиновского, что там нет «никакого бытового устройства», что людям там «вообще потреблять нечего. ... Читает Павел доклад и видит, что речь в нем идет совсем о другой стране, неизвестно какой» [8, с.117].

Благодаря непрерывному волевому и духовному напряжению своего героя Щеголихин раскрывает борьбу страстей, сопровождающейся борьбой смело высказанных мыслей. В последней фразе своего героя автор словно предвосхищает события, связанные с разоблачением культа Сталина.

Потребность в освещении непреходящих ценностей, их очищающее значение, полное нравственного смысла, всегда жила в истинных художниках, и, несомненно, И.П. Щеголихин – один из них.

Надо полагать, литература перестроечного периода – особый, серьезный и, несомненно, интересный разговор, ведь произошел курс на открытость советского общества, поставлен «на повестку дня коренной вопрос о соотношении идеологии и науки» [13], у которой теперь новые перспективы, и ей не надо дрожать за идеологическую чистоту.

В решении *общественных конфликтов*, в раскрытии объективной природы их происхождения, беря во внимание экономические и социальные противоречия, которые лежат в их основе, И. Щеголихин обращается к проблеме стиля руководства, принципам управленческой деятельности. А это уже «работники умственного труда в сфере материального производства», не случаен здесь интерес к истории горнометаллургического комбината в городе Рудном (роман «Другие зори»).

Автор показывает два стиля руководства («исторически прогрессивный» и «исторически преходящий»), обусловленных новой степенью исторического мышления, новым типом отношений личности и общества. Обращаясь к истории русской советской литературы, мы можем объяснить, почему писатель обращается к проблеме руководства: «Почти одновременно появился ряд произведений, в которых анализировалась борьба разных общественных тенденций: исторически прогрессивной, опирающейся на знание объективных условий экономического и социального развития и поддержку масс, и исторически преходящей, в чем-то неизбежной на прежнем этапе существования, когда приходилось пренебрегать объективными законами, работать на «голом энтузиазме» [14, с.352].

«Столкнулись два подхода – поэтапный и досрочный. Директора поддержали, «давай-давай», как всегда. Цандеру пришлось уехать, А Фадеичев получил Героя, получил поддержку правительства, а как же иначе? Комбинат пущен досрочно, и не на месяц-другой, а на целых два года... Победа директора, чем дальше, тем больше стала выходить боком ... Ведь каждый рабочий знает, что начальство напортило, лишь бы отрапортовать, а теперь на рабочего жмут...» [8, с.320]

Все это мы наблюдаем в тексте, так, первоначально писатель Майоров рассуждает: «Что у него в общих чертах получается? ... Директор (Фадеичев) ловок, умен, изворотлив, поскольку сумел в новых условиях почти пятнадцать лет руководить по-старому. Задача: показать этот тип, его живучесть, а также воссоздать ту среду, которая нуждается в таком стиле руководства» [8, с.335].

Но для автора романа данная «задача» кажется узкой, не творческой, и, вопреки всем «общественным тенденциям советской литературы», поворот

делается не туда, «куда нужно», ведь расследовать дело взялся опытный писатель-журналист – Майоров, да, напрашивается тема расплаты, но он не спешит с выводами, он «постарается заметить не только то, что бросается в глаза, но и то, что течет подспудно» [8, с.335].

Писатель уходит от традиционного обличения «плохого руководителя», и доказывает тем самым особенность каждого отдельного случая, отдельной личности и судьбы, и здесь пословица – «лес рубят – щепки летят» не выдерживает правды жизни, автор за то, чтобы «щепки не летели», ведь в данном случае – это живые люди.

На ряде живых примеров раскрывается порочность бюрократических методов руководства. Администраторам, заботящимся не о существе дела, а только о внешне благополучных показателях, Щеголихин противопоставляет героев – простых рабочих (например, Гришина), жертвующих не только здоровьем, но и порой, в отдельных ситуациях, даже своей жизнью (не случайно автор указывает на живучесть легенд, связанных с подвигом во имя спасения жизни других людей, вспомним легенду о Марите). Именно простых рабочих отличает творческий подход к делу, бескорыстие, простота, человечность.

Обсуждение научных результатов. Сравнительный анализ рассматриваемых произведений позволяет установить ряд особенностей в разработке *сюжета, конфликта, композиции и образов*, а также в переосмыслении прежних *характеров, поступков и событий*. Прежде всего, изменен *конфликт*. Если ранее в казахской литературе *основным конфликтом* была, в первую очередь, борьба за любовь, вспомним героев казахского национального эпоса, то содержание *современного конфликта* стало более разнообразным, в общих представлениях его можно обозначить как конфликт нового со старым, новыми потребностями человека и невозможностью их реализовать.

Следует также отметить *борьбу* за право личности на самоопределение в условиях социалистического общества, права на выбор своего жизненного пути, своего мировоззрения, миропонимания. Этот *тип конфликта* подводит нас к смелым, на то время, выводам об обреченности такого строя, где нет личных свобод, где попираются человеческие права.

Таким образом, мы понимаем, что *конфликт организует художественное произведение на всех уровнях* – от тематического до концептуального, придавая каждому образу – персонажу, детали и пр. – его качественную определенность в противопоставлении всем другим образам.

Писатели в самой жизни нашли типические для нее *конфликты, события, поступки людей*, и показаны они в тесной связи с деятельностью конкретных людей, через которых писатели отражают действительность.

Заключение. *Социалистический реализм*, в пору которого создавались анализируемые нами произведения, выдвигает как *главный конфликт* социально-классовые антагонизмы и их революционное разрешение, *столкновение нового, коллективистического сознания в борьбе с индивидуалистической моралью*; подчеркивая *социальную обусловленность всех конфликтов* и их принципиальную разрешимость в ходе исторического процесса, социалистический реализм, в противоположность модернизму, культивирует не трагический, а героический *тип конфликта*, в котором противодействующие силы исторически и морально неравноценны и поэтому только одной из них принадлежит будущее [1].

Проанализированные произведения *расширяют перечень конфликтов*, выдвигаемых социалистическим реализмом, в силу глубины и уникальности писательского дара, творческого осмысления действительности, писателям удалось отразить время – сложную, противоречивую эпоху, не искажая жизненную правду, вскрывая внутренние, социально-психологические противоречия изображаемой жизни.

Именно в эстетическом осмыслении повседневности, в раскрытии социальных пластов жизни, описывая кризисное состояние лучших представителей своего времени, Щеголихин показал острую мучительную борьбу и нарушение нормального положения вещей, максимально отразив «быт внешний и быт внутренний» [15].

В статье для нас было важным дать объективную оценку литературного творчества того периода, когда «литература была поставлена перед выбором – творчество или «заказная» иллюстрация, еретичество подлинного художника или конформизм профессионала», ведь «в советское время произошла деформация «социального заказа», явная подмена искусства политикой» [16, с.23].

Список литературы

1. Литературный энциклопедический словарь [Текст] (под общ. Ред. В.М.Кожевникова, П.А.Николаева. Редкол.: Л.Г.Андреев, Н.И.Балашов, А.Г.Бочаров и др.) – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 752 с.
2. Советский энциклопедический словарь [Текст]. - М.: Советская энциклопедия, 1979. - 1600 с.
3. Масеев, И.А. Сущность и роль конфликта в искусстве [Текст] / И.А. Масеев // Проблемы эстетики. – 1958. - С. 152-158.
4. Храпченко, М.Б. Типологическое изучение литературы и его принципы [Текст] / М.Б. Храпченко // Проблемы типологии русского реализма. - 1969. - С. 21-25.
5. Нургали, Р. Эпическая драматургия [Текст] / Р. Нургали. - Астана: Фолиант, 2004. – 288 с.
6. Есембеков, Т.У. Художественно - эстетическое значение драматизма в казахской прозе [Текст]: автореф. ... доктора филол. наук / Т.У. Есембеков. – Алматы, 1998.
7. Холодов, В. Композиция драмы [Текст] / В. Холодов. – М.: Искусство, 1957. – 30 с.
8. Щеголихин, И.П. Старая проза: Романы [Текст] / И.П. Щеголихин. - Алма-Ата: Жазушы, 1990. – 416 с.
9. Блок, А.А. Народ и интеллигенция. Диалог поэтов о России и революции [Текст] / А.А. Блок, А. Белый / Сост. Вступ. ст., коммент. М.Ф.Пьяных. – М.: Высшая школа., 1990. – 687 с.
10. Творчество русских писателей Казахстана [Текст]. – Алма-Ата: Ғылым, 1992. – 312 с.
11. Щеголихин, И.П. Храни огонь. Рассказы и повесть [Текст] / И.П. Щеголихин. – Алма-Ата: Жазушы, 1968. – 116 с.
12. Муханов, А.С. Нравственно-психологическая проблематика в произведениях современных прозаиков [Текст] / А.С. Муханов // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2005. - № 1 (83). – С. 180 – 181.
13. История Казахстана: белые пятна [Текст]: Сб. ст./ Сост. Ж.Б.Абылхожин. – Алма – Ата: Казахстан, 1991. - 348 с.
14. История русской советской литературы, 40-80-е годы [Текст] / Под ред. А.И.Метченко, С.М.Петрова. – М.: Просвещение, 1983. – 544 с.

15. Фролов, В. Судьбы жанров драматургии [Текст] / В. Фролов. - М.: Искусство, 1979.- 291 с.
16. Бадиков, В.В. Авторское сознание и социальный заказ в структуре текста. Запрещенная советская литература 20-х годов [Текст]: автореф. ...доктора филол. наук: 10.01.08 / В.В. Бадиков. – Алматы, 2000. – 52 с.

Материал поступил в редакцию 26.10.22.

Ж.Б. Ибраева¹, Ф.М. Ержанова²

^{1,2}*Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
Алматы, Қазақстан*

И. П. ЩЕГОЛИХИН ШЫҒАРМАЛАРДАҒЫ ЖАНЖАЛДЫҢ ТАБИҒАТЫ

Аңдатпа. Мақалада жанжал теориясының мәселелері қарастырылады, жетекші әдебиеттанушылардың шығармаларының кең тізімі келтірілген, олар көркем шығарманы құрудың сюжеті де, диалектикасы да оның формасы мен мазмұны, құрамы мен тақырыбы арасындағы қайшылықты көрсете отырып, қақтығыстың ерекшеліктерін ашатынын атап өтеді. Жұмыстың мақсаты-қазақстандық автор И.П.Щеголихиннің аталған шығармаларындағы жанжалдың сипатын ашу. Жариялау үшін алғаш рет И.П.Щеголихиннің бірқатар шығармаларының материалдарын талдау ұсынылды. Щеголихин көтерген әдеби мәселе тұрғысынан-жанжалдың табиғатын анықтау бұл жүргізілген зерттеудің жаңалығын көрсетеді.

Тірек сөздер: соқтығысу, жанжал теориясы, роман, повесть, моральдық мәселелер.

Zh.B. Ibraeyva¹, F.M. Yerzhanova²

^{1,2}*Abai University, Almaty, Kazakhstan*

THE NATURE OF CONFLICT IN THE WORKS OF I.P. SHCHEGOLIKHIN

Abstract. The article examines the issues of conflict theory, presents a wide list of works by leading literary critics, who note that both the plot and the dialectic of the construction of a work of art reveal the features of the conflict, pointing to the contradiction between its form and content, composition and theme. The purpose of the work is to reveal the nature of the conflict in these works of the Kazakh author I.P. Shchegolikhin. For the first time for publication, an analysis of the material of a number of works by I.P. Shchegolikhin is presented in the context of the raised literary problem - the definition of the nature of the conflict, which indicates the novelty of the research.

Keywords: conflict, theory of conflict, novel, novel, moral problems.

References

1. Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar' [Literary Encyclopedic Dictionary] (under the general editorship of V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. Ed.: L.G. Andreev, N.I. Balashov, A.G. Bocharov and others) - Moscow: Ows. Encyclopedia, 1987. - 752 p.
2. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Soviet Encyclopedic Dictionary]. - Moscow: Soviet Encyclopedia, 1979. - 1600 p.
3. Maseev, I.A. Sushchnost' i rol' konflikta v iskusstve [The essence and role of conflict in art] // Problems of aesthetics. - 1958. - P. 152-158.

4. Khrapchenko, M.B. Tipologicheskoye izucheniye literatury i yego printsipy [Typological study of literature and its principles] // Problems of the typology of Russian realism. - 1969. - P. 21-25.
5. Nurgali, R. Epicheskaya dramaturgiya [Epic dramaturgy].- Astana: Tome, 2004. - 288 p.
6. Yessembekov, T.U. Khudozhestvenno - esteticheskoye znachenije drammatizma v kazakhskoy proze [Artistic and aesthetic meaning of drama in Kazakh prose]: author. ... Doctors of Philology. Sciences. - Almaty, 1998.
7. Kholodov, V. Kompozitsiya dramy [Drama composition]. - Moscow: Art, 1957. - 30 p.
8. Shchegolikhin, I.P. Staraya proza: Romany [Old prose: Novels]. - Alma-Ata: Zhazushi, 1990. - 416 p.
9. Blok, A.A., Bely A. Narod i intelligentsiya. Dialog poetov o Rossii i revolyutsii [The people and the intelligentsia. Dialogue of poets about Russia and the revolution] / Comp. Intro. Art., comment. M.F. P'yanykh. - Moscow: Higher school., 1990. - 687 p.
10. Tvorchestvo russkikh pisateley Kazakhstana [Creativity of Russian writers of Kazakhstan]. - Alma-Ata: Gylm, 1992. - 312 p.
11. Shchegolikhin, I.P. Khrani ogon'. Rasskazy i povest' [Keep the fire. Stories and novel]. - Alma-Ata: Zhazushi, 1968. - 116 p.
12. Mukhanov, A.S. Nravstvenno-psikhologicheskaya problematika v proizvedeniyakh sovremennykh prozaikov [Moral and psychological problems in the works of modern prose writers] // Bulletin of KazNU. Philological series. - 2005. - No. 1 (83). - P. 180 - 181.
13. Istoriya Kazakhstana: belyye pyatna [History of Kazakhstan: white spots]: Sat. Art./ Comp. Zh.B. Abylkhozhin. - Alma - Ata: Kazakhstan, 1991. - 348 p.
14. Istoriya russkoy sovetskoy literatury, 40-80-ye gody [History of Russian Soviet literature 40-80s] / Ed. A.I. Metchenko, S.M. Petrova. – Moscow: Enlightenment, 1983. – 544 p.
15. Frolov, V. Sud'by zhanrov dramaturgii [The fate of dramaturgy genres]. - Moscow: Art, 1979.- 291 p.
16. Badikov, V.V. Avtorskoye soznaniye i sotsial'nyy zakaz v strukture teksta. Zapreshchennaya sovetskaya literatura 20-kh godov [Author's consciousness and social order in the structure of the text. Forbidden Soviet literature of the 20s]: author. ... Doctor of Philology. Sciences: 10.01.08 / V.V. Badikov. - Almaty, 2000. - 52 p.